

ФЕСТИВАЛЬ ОТКРЫЛСЯ фильмом Глеба ПАНФИЛОВА «РОМАНОВЫ — ВЕНЦЕНОСНАЯ СЕМЬЯ»

Долгожданный фильм Глеба Панфилова вызвал у критиков противоречивые суждения. Одних он «раздавливает» (sic!) «безмерностью изображенного зла», вызывает слезы и глубочайшее почтение как к героям, так и к многолетнему героическому труду создателей ленты. Другие пожимают плечами: что это? зачем это? К чему сегодня — когда уже реки чернил пролиты по поводу последних дней семьи Романовых, когда об этом снято множество игровых и документальных

картин, завершилась эпопея с идентификацией останков и прах несчастных с государственными почестями захоронен в некрополе Петропавловского собора — нужна очередная дорогостоящая версия «злодейского убийства», которая мало что добавляет к общеизвестному? Понятно, что от замысла до воплощения прошло десять лет, но все-таки от Глеба Панфилова можно было бы ожидать совершенно нетривиального взгляда на гибель царской фамилии.

В сущности, он и предложил взгляд достаточно радикальный. Панфилов славится своим умением снимать «несвоевременное» кино. В конце 80-х экранизация романа Горького «Мать» была проектом исключительно шокирующим, в гораздо большей степени, чем сегодня фильм о Романовых. Собственно, «Васса», «Мать» и «Романовы» образуют некую

трилогию; ее объединяет «мысль семейная» — идея семьи, семейного единства, частных семейных связей как начала, бесконечно превосходящего по значимости любые идеологические, социальные исторические конфликты. Романовы в этом смысле для Панфилова — семья абсолютная, идеальная, Семья с большой буквы. Обреченная на заклятие ходом истории, но до конца сохранившая свой собственный, неповторимый уклад, стиль жизни и неизбывную любовь друг к другу — вот уж, воистину, все умерли в один день! Реконструкцией этого стиля, этих возвышенных отношений, сопротивляющегося любым внешним лишениям аристократического устройства быта и занимается в своем фильме Панфилов, решительно выводя за скобки всяческие рассуждения об исторической вине и объективных причинах постигшей семью катастрофы.

Однако именно здесь, мне кажется, причина неполной удачи фильма. Ведь Панфилов явно намеревался снять трагедию, призванную потрясти зрителя, заставить страну ужаснуться, покаяться наконец в убийстве ни в чем не повинных людей. Трагедии не получилось. Идеальная семья, лишенная каких бы то ни было внутренних противоречий, никак не может стать коллективным героем трагедии. Слабый, безвольный Ники (Александр Галибин) безмерно привязан к своей властной, всем заправляющей Алекс (Линда Белингхем), вымуштрованные барышни-княжны в одинаковых блузках — все на одно лицо (то есть лица вроде бы разные — Анастасия (Ольга Будина) шалит, Татьяна (Ксения Качалина) дерзит, Ольга (Юлия Новикова) поет, Мария (Ольга Васильева) особенно ничем не выделяется — но драматического столкновения характеров нет и в помине). Только наследник (Володя Грачев) — мужественный мальчик, призванный царствовать, но лишенный трона, переживает внутреннюю драму, тщетно пытаясь играть роль монарха-защитника в этом обреченном семействе; но и его линия тонет в общем, лишенном перипетий сюжете про «малое стадо», ведомое на заклятие. Драматургическое напряжение здесь отсутствует; зрителю предложено следить, в основном, за изменениями в материальной

стороне жизни, последовавшими за утратой высочайшего статуса — вот, семью арестовали в Царском, вывезли в Тобольск, отконвоировали в Екатеринбург, стесняли, обкрадывали, грубили, обижали, потом расстреляли. Это все, конечно, печально, но вызывает лишь к сентиментальному сопереживанию: они, мол, — такие хорошие, а с ними так безжалостно обошлись...

Сентиментальных переживаний, увы, мало там, где речь идет о величайшей трагедии России. И трагедия эта заключается отнюдь не в гибели царской семьи, а в гибели миллионов, случившейся в результате того, что власть, сосредоточенная в этом семействе, сначала отправлялась эгоистически бездарно, а потом была столь же бездарно выпущена из рук, так, что страна погрузилась в первобытный хаос, а затем во мрак тоталитаризма на целых семь десятилетий. Сглаживая все острые углы, избегая «неприятных» подробностей — упоминаний о Распутине, о министерской чехарде, о развале фронта, об идиотском кликушестве, царящем при дворе, и т.п. — Панфилов создает идиллическую и откровенно тенденциозную картину событий, никак не способствующую пробуждению трезвого исторического самосознания. А ведь мы и сегодня по-прежнему блуждаем в потемках, шарахаясь из стороны в сторону: сначала предавали «царя Николашку» революционной анафеме, воздвигая на смену ему новых кумиров — Ленина-Сталина; теперь всерьез ведем разговоры о канонизации невинно убиенного государя... Тема Романовых занозой сидит в подсознании общества, зараженного неизбывной тягой к обожествлению власти. И «мысль семейная» слишком слаба, чтобы вытащить эту занозу. Тут нужна скорее «мысль народная» — отчетливое понимание общего помрачения, общей трагической слепоты и вины, приведших страну к революции и крушению дома Романовых. И пока все это до нас не дойдет на уровне частного, индивидуального опыта, мы не застрахованы ни от новых «революций», бессмысленных и беспощадных, ни от новых рецидивов цезаризма и рабства.

Наталья СИРИВЛЯ

Панфилов Глеб
Сиривля

24.7.00

150